

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 316.1

УДК 316.7

В. Л. АБУШЕНКО,

кандидат философских наук, доцент,

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ КУЛЬТУРЫ В КУЛЬТУР-СОЦИОЛОГИИ

Анализируются понятия «социология культуры» (теория среднего уровня) и «культур-социология» (метатеория), на основе теоретической социологии в рамках культур-социологии выделяется десять теоретических перспектив социологического исследования культуры. Им соответствуют следующие рассматриваемые подходы: «предметный», «ценностный», «символический», «текстовый», «деятельностный», «технологический», «игровой», «коммуникационный», «субъектный», «организационно-диалоговый».

Ключевые слова: социология культуры, культур-социология, социологические исследования культуры, «предметный», «ценностный», «символический», «текстовый», «деятельностный», «технологический», «игровой», «коммуникационный», «субъектный», «организационно-диалоговый» подходы.

Социолог, занимающийся проблематикой культуры, неизбежно сталкивается с целым рядом не получивших однозначного решения методологических, теоретических и практических проблем. Большинство из них так или иначе связано как с определением проблемно-тематического поля соответствующей социологической дисциплинарности (заданием ее предметности), так и со статусом и притязаниями соответствующей дисциплины внутри социального знания.

Существуют две существенно различающиеся тенденции в понимании исследовательских интенций социологии в области культуры. Одна из них исходит из представлений о специальной социологической теории и возникающей на ее основе соответствующей субдисциплинарности (отрасли социологического знания) и традиционно называется «социологией культуры». Вторая (обозначим ее как «культур-социологию») позиционирует себя как специфическую парадигмальную область социологического знания.

В обоих случаях речь идет об исследовании культуры, ее феноменов и динамики концептуальными и методологическими средствами социологии с целью установления зависимостей между ними и социумом, его феноменами и динамикой. Однако при всей общности интенций «социологии культуры» и «культур-социологии» они представляют собой две принци-

пиально различные версии социологического подхода к изучению культуры. Если в первом случае предпринимается попытка описания и анализа культуры *на уровне теории среднего уровня* в аспекте включенности культурной компоненты в социальную жизнь общества и его подсистем и/или в аспекте выявления специфической области (сферы) культуры (духовной жизни) как в институциональном, так и в поведенческом срезе, то во втором случае речь идет об изучении культуры социологическими средствами *на метатеоретическом уровне* анализа.

Тем самым культур-социология (а речь ниже в тексте пойдет именно о ней) претендует на статус *фундаментального знания об обществе*, в котором само социальное начинает пониматься, трактоваться и интерпретироваться в терминах культурного, а следовательно – не столько культура объясняется через реалии социума (что характерно для версии социологии культуры), сколько, наоборот, социум понимается через реалии культуры. Несколько огрубляя обозначенную дилемму, в данном случае можно было бы сказать: «Какова культура, таков и социум», а не: «Каков социум, такова и его культура». (Крайнюю редукционистскую концептуализацию данного тезиса в социологической литературе опознают как культурный детерминизм.)

Возможность этого исследовательского видения задается самим объемом содержания понятия «культура», не вписывающимся в жесткие предметные рамки. Оно оказывается столь всеобъемлющим (тотальным), а границы его – столь «размытыми», что *в терминах культуры, как и в терминах социума (социальной системы), можно описывать любые проявления общественной жизни*. Отсюда варьирование предлагаемых определений от дисциплины к дисциплине, различие трактовок в разных исследовательских методологиях и парадигмах, на разных этапах развития самой научной дисциплины (например, понимание подлежащего анализу содержания «культуры», да и сами срезы этого анализа существенно различны в классической и современной социологии).

Культура вместе с социумом (общество в узком смысле слова) и личностью образуют три концепта, установление соотношений между которыми (как минимум со времен П. Сорокина) лежит в основании любой социальной дисциплины. Это соотношение задает предельную рамку для помещаемых в нее тем и проблем соответствующей дисциплины, способов их постановки и решения, т. е. специфику дисциплинарного видения и предметного среза той или иной науки. При этом следует иметь в виду, что при выходе на метатеоретический уровень анализа предметные границы между культурологией, социологией, антропологией и философией культуры оказываются не только «прозрачными», но и до сих пор трудноопределимыми и фиксируемыми. Отсюда следует, что речь может идти не столько о различении дисциплинарных «предметностей» (они, несомненно, имеют место быть), сколько *о различии*

дисциплинарных видений, способов, средств и целей соответствующих анализов.

Поэтому, отвлекаясь от многообразия и нюансов существующих трактовок и не стремясь к более или менее однозначному определению в классическом смысле слова (что вряд ли и возможно), попытаемся для дальнейшего обсуждения *обозначить исходную дисциплинарную позицию*, акцентирующую именно социологическое видение проблемы.

Так, можно согласиться с формулировкой, утверждающей, что культура может быть понята как *предельный континуум смыслов, находящийся в распоряжении определенного социального сообщества, им поддерживаемый, используемый и изменяемый*. Соответственно можно зафиксировать, что смысловой континуум культуры (включая заимствования из других культур) задает пределы (границы) и ставит ограничители для всех форм человеческой активности в обществе, что только соединение «социального» и «культурного» в нерасторжимое единство делает возможной саму социальную жизнь.

При этом возникает важная оппозиция: «сделанное», подлежащее закреплению, сохранению и трансляции другим акторам и новым поколениям людей – «делаемое», «новое» (новые смыслы, ранее отсутствовавшие в культурном континууме), то, что потенциально может быть закреплено для последующего сохранения и трансляции в культуре (изменяя сложившийся на данный момент континуум культурных смыслов). Иначе говоря, речь идет о соотношении в рамках любой культуры *двух противоположных начал* (и соответствующих функциональных нагрузок) – *творческого, креативного, инновационного*, с одной стороны, и *стабилизационного* (в чем-то «охранительного»), обеспечивающего определенную меру неизменности культуры, ее самодостаточность («равенство самой себе»). Часто эту оппозицию фиксируют как противостояние традиционного и инновационного начал в культуре (однако в этом случае следует помнить о том, что это противостояние присуще как культурам традиционных, так и культурам современных обществ – различия же касаются «удельного веса» каждой из компонент в общественной жизни).

На индивидуальном уровне эта проблема может быть переформулирована и как вопрос о соотношении типичного (общего с другими членами группы, общности, институции, социума в целом) и индивидуального в структуре личности. В любом случае культура не только *развивает* человека, способствует проявлению его индивидуальности, но и *принуждает* его к определенному типу действий, *унифицирует* (но тем самым и *универсализирует*, т. е. в известной мере опять же «развивает») по определенным важным в данном типе социальности параметрам.

Социология как научная дисциплина (во всяком случае – классическая социология) фокусируется прежде всего на проблематике создания, поддержания и изменения социального порядка (социальных порядков), т. е. *на анализе тех параметров общественной жизни, которые делают возможным ее саму, позволяют достигать взаимопонимания и согласованности, кооперирования*

социальных действий и комплексирования социальных функций, выполнение которых рассредоточено по различным социальным группам, институциям и организациям. Соответственно в фокус внимания попадает и соответствующее начало культуры – ее способность регулировать социальные практики. При этом, разумеется, надо всегда помнить о том, что культура не может действовать «сама по себе» как некая отделенная от социальных акторов сила – действуют, в конечном итоге, люди, включенные в социальные группы, институции и организации, но люди, социализированные в данном обществе, – в том числе и прежде всего за счет усвоенных соответствующих культурных содержаний («смыслов») и умения ими оперировать.

В то же время современная социология все больше внимания начинает уделять и креативному началу культуры. Ритмы и темпы изменений, интенсификация и глобализация ресурсных (включая информацию) и обменов между отдельными обществами (соответственно – и культурами) заставляют уделять самое пристальное внимание *инновационному потенциалу каждой конкретной культуры, позволяющему или не позволяющему (при прочих равных) тому или иному человеческому сообществу становиться или оставаться «современным».* Однако и в этом случае социологию интересуют прежде всего механизмы «социализации инноваций» (создаваемых или заимствуемых смыслов-содержаний), их внедрения в социальную жизнь и привычивания (хабитуализации) в повседневных социальных практиках.

Еще одно важное различие как для понимания сути культуры, так и специфики ее социологического видения касается различения разных «реальностей» существования культурных феноменов. Для упрощения ситуации не будем специально рассматривать, а только обозначим укорененность базовых смыслов-содержаний культуры в ментальном пространстве – в архетипах коллективного бессознательного (в терминологии К. Г. Юнга). Основное же внимание следует уделить различению и соотношению того, что получило наименование «социокультурной» и «знаковой» ипостасей культуры.

Социокультурная реальность – это реальность актуальной жизнедеятельности живущих поколений. Это «социальное», оформленное и опосредуемое «культурным». «Социальное» и «культурное» – это «две стороны одной медали». Одно без другого просто невозможно. Поэтому даже когда мы не ставим задачу специально исследовать культурные феномены, мы неизбежно имеем с ними дело, коль скоро культурные параметры задают качественные и интегральные характеристики любой человеческой активности. Именно эта реальность и выступала основным предметом анализа в классической социологии, является таковой и в социологии современной.

Среди большого набора деятельностей (практик) в современных сложных обществах можно выделять те, в которых акторы актуально и эксплицитно непосредственно имеют дело с культурными смыслами-содержаниями (культурными образцами), с их трансляцией и изменением. Именно они, как правило, схватываются на уровне обыденного сознания как «область культуры».

Прежде всего речь идет о сфере искусства и художественной деятельности в целом, образовательных и познавательных практиках (наука и образование), религиозной жизни, некоторых досуговых видах деятельности.

С теоретической, исследовательской точки зрения такая локализация «культуры» вряд ли оправдана. Для культур-социологии (в отличие от социологии культуры) поэтому предметом анализа является по сути вся социокультурная реальность. Другое дело – насколько можно дать ее целостный анализ. Во всяком случае, для понимания сути культуры недостаточно выделения в целостных социальных комплексах «культурных составляющих».

Трудно не заметить, что они в реальных практиках любого общества обладают известной автономностью, отделимы от ситуаций «здесь-и-теперь» социальных действий и взаимодействий. Это связано с тем, что смыслы (порождающие определенные содержания), заключенные в том или ином культурном континууме, для своего выражения и проявления требуют знаково-символического выражения (закрепленного в развитых культурах в ее текстах).

Речь идет прежде всего об их схватывании средствами определенного языка (языков), в котором эти смыслы так или иначе «проговариваются», который требует оформления в соответствующих коммуникативных (дискурсивных) практиках. Последние всегда в значительной мере автономны от других практик социума, хотя и тесно связаны с ними, а язык (языки) вплетен в любую из социальных практик как их неотъемлемый атрибут.

С появлением письменности смыслы-содержания культуры получили возможность не только приобретать автономность от конкретных ситуаций социального взаимодействия «здесь-и-теперь», но и оформляться в рамках особой *текстовой реальности культуры*. Оформленность в текстах не только принципиально изменила технологии закрепления, сохранения и трансляции культурных смыслов-содержаний внутри и между различными культурами. Это позволило снять ментальные ограничения на объем и характер передаваемых содержаний (информации, знаний). Социальные акторы стали иметь дело с принципиально избыточным и вариативным, например, для организации конкретного взаимодействия, количеством и объемом содержаний (информации, знаний).

Это, в свою очередь, с неизбежностью вело к нарастанию рефлексивности социальных действий, возможности их различных интерпретаций, необходимости постоянно задействовать механизмы и процедуры выбора, усиливало ответственность за любое действие, необходимость просчета его отдаленных последствий и т. д.

Фактически *текстовая (знаково-символическая) ипостась* общественной жизни чем дальше, тем больше в историческом развитии обществ стала брать на себя моделирующие нагрузки по отношению к *ипостаси социокультурной* (а следовательно, и по отношению к любым практикам общества, особенно тем, которые распознаются в современной социальной теории как коммуникационно-информационные).

Итак, выше были введены два типа различий. Первое из них позволяет задать функциональную нагрузку смыслам-содержаниям, фиксируемым культурным континуумом. Упрощая, можно сказать, что *одни из них тяготеют к стабилизирующему, тогда как другие – к креативному полюсам культуры*. Выявление их соотношения в реальной конкретной культуре позволяет оценить меру ее традиционности/инновационности, т. е. меру ее «современности» (модерности).

Второе введенное различие поляризует смысловой континуум *по оси тяготения воплощения смыслов-содержаний либо в социокультурной, либо в текстовой (знаково-символической) ипостасях культуры*. При этом важно заметить, что эти реальности взаимоотображаемы друг в друге, хотя и не зеркально, и что если не все, то большинство смыслов-содержаний периодически «мигрируют» из одной реальности в другую, меняя форму своего внешнего выражения, а тем самым неизбежно порождая собственные вариации и интерпретации.

Из сказанного можно также сделать вывод о том, что *смыслы-содержания реализуются в деятельности и их продуктах (практиках общества) и фиксируются и закрепляются в языке (языках), на основе которых порождаются тексты данной культуры*.

Последний тезис нуждается в некоторых уточнениях. Так, под *языком* в этом контексте следует понимать не только разговорный или письменный национальный (литературный) язык (именно поэтому в скобках постоянно обозначалось – «языки»). *Речь идет о любых принятых в культуре знаково-символических системах, способных связно передавать смыслы-содержания различного характера из культурного континуума (как и породить новые смыслы-содержания) и продуцировать соответствующие тексты*. В этом смысле можно говорить о языках искусства (язык музыки, например), науки и т. д. Более того, можно «прочитать» и перевести в текст любое понимаемое действие человека, его жесты и мимику («языки тела», язык этикета и т. д.). Но точно так же «читаем» и любой предмет, с которым имеет дело человек, не говоря уже о произведенных им продуктах. При наличии соответствующих смыслов-содержаний (и процедур, разумеется) вещи можно дать имя и определение, указать технологию изготовления, выявить воплощенную в нем «идею» и т. д. Однако одновременно необходимо всегда удерживать в поле внимания и то обстоятельство, что любой «текст» культуры есть продукт человеческой активности, социальных практик.

Отсюда можно сделать вывод о том, что, хотя мы и говорим с известным на то основанием о двух ипостасях существования культуры, культура («живая», функционирующая и развивающаяся) всегда тяготеет к сохранению своей целостности (что возможно, вновь оговоримся, только усилиями наличных поколений людей, сохраняющих преемственность между собой). Любые серьезные рассогласования между внутри этой целостности – свидетельство возникновения кризисных явлений в культуре.

Сказанное имеет непосредственное отношение к социологическому изучению культуры. Так, следует отметить, что классическая (и неоклассическая) социология, фокусируясь на изучении социокультурной реальности, практически полностью игнорировала знаковую ипостась существования культуры, считая, что она, не вписываясь в предмет социологии, должна изучаться дисциплинами культурологического цикла. В свою очередь, постмодернистская социология, сделав акцент на знаковой ипостаси культуры, стала говорить о социокультурной реальности как о квазизнаковой реальности. Представляется, что в современном социальном познании это две крайние редукционистские позиции, игнорирующие основную проблему – проблему взаимодействия этих реальностей и изучение механизмов «миграции» смыслов-содержаний из одной реальности в другую и обратно.

Одновременно сказанное позволяет и требует возвращения еще раз к проблеме фиксации смыслов-содержаний культурного континуума. Здесь нельзя ограничиться разговором только о деятельности, продуктах и языках культуры. Необходимо обратиться к так называемой проблеме *универсалий культуры*.

В свое время в рамках американской культурной антропологии была сформулирована гипотеза о том, что, несмотря на бесконечное многообразие смыслов-содержаний человеческих культур, все эти содержания в любой культуре «упаковываются» в одинаковые (и в этом отношении универсальные) культурные формы, и была поставлена задача на основе изучения различных культур такие универсалии выделить и кодифицировать, создав тем самым своеобразный словарь и «грамматику» культуры как таковой. Проект оказался не реализуем, тем не менее на самом деле в конкретных культурах может быть обнаружено *определенное количество общих для них механизмов выражения и предьявления («упаковки») культурных смыслов*. Если огрубить ситуацию, то можно показать, что символы, например, в разных культурах различны, но в любых культурах (с определенных теоретических позиций) можно обнаружить смыслы-содержания «упакованные» и функционирующие именно как символы (хотя сами носители этих культур могут это и не осознавать).

Вряд ли стоит, в отличие от некоторых представителей культурной антропологии, пытаться выделить и описать все универсалии культуры. Для социологии важнее зафиксировать их типологически различные группы.

Так, уже понятно из вышесказанного, что все механизмы поддержания и функционирования знаково-символической реальности так или иначе будут соотноситься и группироваться вокруг понятия *«текст»*. В целом можно сказать, что с ориентацией на эту ипостась культуры происходит формирование и ранжирование определенных культурных образцов, для чего формируются специальные социальные практики (в позднемарксистской традиции они обозначались как «духовное производство», например). Эти *образцы* (тексты-образцы) выполняют моделирующие действия и ориентирующие субъектов функции по отношению к социокультурной реальности, в которой эти субъекты, собственно, и действуют.

Центральным для собственно социокультурной реальности будет понятие *регулятива*. Все действующие здесь социокультурные механизмы так или иначе служат «настройке» реальных социальных практик, социальных действий и взаимодействий социальных акторов (включая институциональный уровень организации общества). Центральными среди них выступают механизмы нормы и традиции (в современных обществах традицию можно трактовать как разновидность нормы). Аналогичную нагрузку несут механизмы ритуала и обычая (хотя поле их действия в современных обществах, как и поле действия традиции, существенно сужается, а сами они существенно переосмысливаются).

В целом можно сказать, что *культурные регулятивы* упорядочивают, организуют, направляют, регламентируют, контролируют (естественно через действия людей, включенных в группы, институции и организации) определенные социальные действия и взаимодействия, стимулируя одни, принуждая к другим, табуируя (запрещая) третьи.

Третья функционально отличная группа универсальных культурных механизмов непосредственно связана с поддержанием целостности всей культурной системы, обеспечением относительной прозрачности и переводимости «языков» культуры, обеспечением «сшивания» ее «текстов» и «регулятивов». Речь в данном случае идет прежде всего о *ценностях и символах* культуры. В этой исследовательской перспективе и саму культуру часто понимают как ценностно-символическую систему, репрезентирующую смысловое содержание культуры.

Наконец, еще один важный для социологического понимания культуры разворот связан с принципиальной *субъектностью культуры*. Культура – всегда чья-то культура – индивида, группы, общности, этноса, нации и т. д. Она всегда соотносится с исторической перспективой развертывания человеческих сообществ. Она всегда предполагает собственную легитимизацию субъектами именно как «культура». Только внутри самой культуры в исторических практиках субъектов устанавливается (легитимируется и санкционируется), например, что относится к сфере сакрального, а что является профанным, как и то, где проходит граница между ними, что считать знанием (научным знанием), а что нет, что приемлемо в повседневном поведении, а что подлежит репрессированию как неприемлемое и т. д.

В этой перспективе «культура» – весьма специфическое человеческое «изобретение». С одной стороны, можно говорить об *условности* многих культурных «установлений» – например, в типологически схожих даже бытовых ситуациях в различных культурах часто принято «вести себя» по-разному (вплоть до реализации противоположных схем поведения). Но с другой стороны – и в той, и в иной культуре «ведут себя» в соответствии с тем, *как «это принято» в данной ситуации*. Таким образом, при всех обнаруживаемых условностях агенты социокультурной активности сталкиваются с «необходимостью» соблюдения этих условностей как условия своей адекватности, успеш-

ности и т. д. Здесь мы вновь возвращаемся к вопросу о принудительности, репрессивности (в терминологии психоанализа) воплощенных («выбранных» или навязанных) культурных смыслов-содержаний.

Итак, из всего сказанного выше можно сделать вывод о том, что «культуру» в зависимости от избранной теоретической (да и практической – деятельностной или коммуникационной) перспективы можно понимать по-разному. Можно видеть в культуре *совокупность созданных людьми артефактов* (продуктов, произведений), в которых воплощены смыслы-содержания, опредмечиваемые в специализированных человеческих практиках, в свою очередь организуемых в соответствии с принятыми сообществом *культурными образцами и правилами*. Можно понимать культуру как континуум смыслов-содержаний, закрепленных как *символическая система*, которой располагает конкретное человеческое сообщество и с сегментами которой соотносятся конкретные социальные акторы в пределах собственных социальных практик. При этом символ, по самой своей природе «предъявлять одно, одновременно указывая на другое», оказывается весьма эффективным механизмом организации социальной жизни в соответствии с закрепленными все теми же культурными образцами. Можно трактовать культуру и как определенным образом «упакованную» *совокупность «текстов»*, часть из которых извлекается из социокультурной памяти сообщества (распредмечивается) для организации все тех же социальных практик, результаты которых вновь «упаковываются» и транслируются как «тексты». Можно, наконец, понимать культуру и как сложную *ценностную систему*, рассматривая социальные практики как специализированные области человеческой активности («внутри») соответствующих аксиологических полей (сфер, пространственных локусов).

В соответствии с принятой в данном тексте теоретико-методологической установкой *все четыре обозначенные исследовательские перспективы являются «равноправными» и достаточно универсальными, чтобы внутри них было предложено достаточно целостное и относительно «законченное» видение того, что принято обозначать термином «культура»*. Понятно, что каждое такое видение будет (при всей его универсальности) «частичным», так как в другой перспективе (парадигматике) высвечивают другие грани «культуры», иначе расставляются акценты и т. д. Однако вряд ли принципиально возможно объединить эти разные перспективы *в рамках одной «суперперспективы»* и дать исчерпывающее описание «культуры» как таковой (любая теоретическая система принципиально неполна, при этом каждая из них использует свой язык описания, который не является полностью «прозрачным» для и однозначно соотносимым с другим языком описания). В то же время при всей своей автономии эти перспективы соотносимы между собой, что позволяет менять «языки» (соответственно и понятийно-категориальный аппарат) при переходе от одной дисциплины к другой, в рамках различных исследовательских парадигм и на разных этапах развития дисциплинарного знания.

Так, например, в рамках классической и неоклассической социологии был осуществлен переход от «предметных» к «ценностным» описаниям культу-

ры, неклассическая социология перенесла акцент на ценностно-символические трактовки культуры, а постнеклассическая (современная) социология все активнее вводит в научный оборот «тестовые» «прочтения». При этом одни («выбираемые») истолкования не отменяют возможности других, требуя, однако, их существенной корректировки. Например, «текстовое» видение культуры вовсе не отменяет того, что культура является ценностной системой, просто в этих двух случаях нас интересуют разные механизмы объективации смыслов-содержаний в конкретной культуре (в зависимости от сформулированных исследовательских целей и задач анализа).

Аналогичным образом можно типологизировать и перспективы, связанные с активностью акторов (субъектов) в социокультурной реальности (их тоже четыре).

В результате все многообразие подходов к исследованию культуры можно сгруппировать в несколько типологических групп.

Первую группу образуют подходы, описывающие прежде всего «статику» культуры (ее морфологию), отвечающие на вопрос: «Что это (прежде всего)?», – «предметный», «ценностный» («аксиологический»), «символический» и «текстовый» («семиотический»).

Вторую группу образуют подходы, описывающие «динамику» культуры, отвечающие на вопрос: «Как и посредством каких практик действует?», которые можно обозначить как «деятельностный», «технологический», «игровой» и «коммуникативный».

Третью группу составляют такие теории, которые определяются как «субъектные» (акцентирующие внимание на агентах культурной активности, отвечающие на вопрос: «Кто и как действует?») и «организационно-диалоговые» (акцентирующие внимание на вопросе: «Каким образом (само)организуется культура?»).

Все эти подходы взаимно позиционируются и взаимно дополняют друг друга. Так можно задавать определенную «парность» статичных и динамичных подходов, находящихся в комплементарных или контрфронтационных отношениях друг с другом. Речь идет о парах: «предметный» / «деятельностный»; «ценностный» / «технологический»; «символический» / «игровой»; «текстовый» / «коммуникационный». Отдельная пара – «субъектный» / «организационно-диалоговый». Кроме того, можно по принципу «снятия» выстроить две «линии» для «статики» и «динамики». Соответственно: «предметный» / «ценностный» / «символический» / «текстовый» и «деятельностный» / «технологический» / «игровой» / «коммуникативный». В каждой из этих «линий» при переходе от подхода к подходу можно вести речь о разной степени «явленности», «репрезентированности», «объективации» пластов и уровней смыслового универсума культуры.

Особо следует оговорить то обстоятельство, что маркирование подходов предложено исходя из *основного их концепта («универсалии»)* – «предмет» / «ценность» / «символ» / «текст» / «деятельность» / «технология» / «игра» /

«коммуникация» / «субъект» / «организованность». В этом отношении названия подходов достаточно условны (это именно «маркеры», поэтому возможна и известная вариативность обозначений). В свою очередь, практически каждый из концептов может пониматься по-разному в зависимости от теоретико-методологических, дисциплинарных, авторских трактовок. Это порождает объединение в рамках одного подхода (перспективы) достаточно разнородных и зачастую контрфронтационных по отношению друг к другу концепций и теорий.

Выходом из этой ситуации представляется проведение *типологической процедуры на следующих уровнях*. Например, в рамках аксиологического видения культуры (которая понимается, в данном случае, прежде всего как определенное ценностное единство – система, если угодно) существуют различные трактовки понимания ценности – натуралистические, трансцендентальные, субъективистские и т. д., которые задают критерий для следующего уровня типологизации. Далее: в каждой из натуралистических, трансцендентальных, субъективистских и т. д. трактовок ценности есть *различные теоретико-методологические решения* – еще один уровень типологии, а каждое из решений воплощено в конкретных *авторских разработках*.

Объединяет же все это теоретико-методологическое и авторское многообразие возможность выделить *«твердое ядро» той или иной подходности* – содержательно бедную, но обладающую достаточной различительной силой систему *пресуппозиций*, своего рода принятых аксиоматических утверждений. Попробуем ниже кратко и в первом приближении обозначить эти «аксиоматики».

1. *Предметный подход*. В рамках этого подхода культурное понимается как «возделанное», *искусственно созданное* и в этом качестве противостоящее природному, естественному. Культура есть неотъемлемая характеристика всего того, что создано человеком. Любые продукты человеческой активности могут быть охарактеризованы с точки зрения меры опредмеченных (объективированных) сущностных сил человека, т. е. культуры. Это опредмечивание осуществляется двояко – в *предметах*, с помощью которых реализуется деятельность человека (материальная культура), и в *ценностях*, текстах, с помощью которых организуют прежде всего поле коммуникации субъектов (духовная культура). Социализированный в культуре человек способен извлекать закрепленные в ней смыслы, схемы, т. е. распределять их и использовать в своих целях. Упрощая, можно сказать, что культура – это *определенным образом организованная и легитимизированная система образцов* (схем, моделей, текстов), которые усваиваются в ходе социализации и на основе которых строится любая социальная активность, производя новые результаты (продукты) как условия и возможные новые образцы последующего действия.

Данный подход хорошо проработан в социологии, долгое время он был даже одним из доминирующих. Однако практика выявила и *ряд существенных его недостатков*, и принципиальную ограниченность его возможностей.

Во-первых, нет четких критериев, позволяющих оценивать тот или иной «предмет» в культуре, содержание которой оказывается весьма расплывчатым и слабо структурированным. Во-вторых, в социологию некритически переносятся схемы археологии и этнологии с разделением культуры на противостоящие друг другу подсистемы – материальную и духовную, что нарушает принцип единства культурной системы. В-третьих, культура предстает как некое статичное образование, лишённое стимулов к какому-либо изменению, акцент делается на опредмеченных формах культуры, закреплённых в памяти социума (она выступает здесь, по сути, как своеобразный музей, хранилище образцов, извлекаемых по мере надобности для организации социального взаимодействия). Эти недостатки заставляют исследователей искать иные аспекты этого феномена.

2. *Деятельностный подход.* Культура определяется как *интегративная качественная характеристика любых форм и результатов (продуктов) человеческой активности*, задающая ее границы, определяющая ее возможности и придающая ей смысл и значимость в глазах социализированных в ней субъектов. Механизмы культуры отбирают, сохраняют, транслируют инвариантные содержания деятельности и коммуникации, социальных связей и отношений, в которые включены социальные агенты, превращая их в условия и детерминанты последующей социальной активности. Люди всегда находятся в определенных макро- и микрокультурных средах, которые могут быть структурированы по представленным в них факторам, с которыми индивиды сталкиваются в своей жизни. Соответственно могут быть выявлены и оценены по степени актуализации в конкретных ситуациях хранимые в культуре содержания (значения). Фиксации подлежат также степень их легитимности (нормированности, санкционированности) и усвоенности (интериоризации) теми или иными социальными агентами. Конечная цель социологического анализа – *оценка культурного потенциала индивидов и групп* как через количество и качество усвоенных содержаний, так и через те личностные творческие «вставки», которые они делают, самореализуя себя в социокультурной жизни.

Такова в целом схема деятельностного подхода, сумевшего преодолеть ограничения и недостатки «предметного» подхода (введение фактора динамики, представления о единстве культурной деятельности и т. д.), но породившего *новые проблемы*. Во-первых, акценты делаются не на собственно культурных содержаниях, а на условиях их реализации и проявления. Во-вторых, остаются содержательно «расплывчатыми» понятия «интегративной качественной характеристики» и «культурной деятельности». В-третьих, проблематичными остаются обоснование и критерии оценивания и сравнения культурного уровня различных субъектов, рассматриваемого, наряду с параметрами культурной деятельности, как интегральный показатель культурного потенциала (к тому же очевидна тенденция к его количественному, а не качественному определению).

3. *Ценностный (аксиологический) подход.* Культура конституируется определенной структурированной системой ценностей, признаваемых тем или иным социумом. В «предметности» культуры происходит лишь то или иное воплощение этих ценностей, т. е. того, к чему люди стремятся, на что ориентируются, в соответствии с чем организуют свою активность. Общность и различие ценностей выступают основанием как для объединения людей для реализации совместных и сложных целей, так и для их дифференциации при несовпадении и конфликте целей. Таким образом, *усвоение тех или иных ценностей в ходе социализации и их репродуцирование в реальной деятельности и коммуникации – основа существования социума.* Характер ценностей социума задает меру свободы и вариативности поведения его социальных агентов.

Аксиологический подход к изучению культуры позволил ввести в сферу анализа собственно культурное содержание, акцентировал ее креативное (продуцирующее, творческое) начало. Мимо его разработок не может пройти сейчас ни один социолог культуры. Но и этот подход имеет *существенные ограничения.* Во-первых, даже в рамках одной культурной целостности возможны различные ценностные ориентации и разное понимание того, что ценностью является, а что нет. Это порождает проблему обоснованности принятых ценностных критериев для конкретных ситуаций и разных социальных агентов. Во-вторых, конфликты ценностей требуют для своего разрешения апелляции к лежащим вне сталкивающихся ценностных систем критериям. В-третьих, порождается проблема *культурного релятивизма* при сравнении различных культур (нельзя сказать, что одна из них «лучше», чем другая, не заняв «пристрастной», т. е. опять-таки ценностно нагруженной, позиции, и такое замещение приобретает характер как бы дурной бесконечности).

4. *Технологический подход.* Культура технологична по своей природе, ибо она есть *особая совокупность средств и механизмов для решения проблем, с которыми сталкиваются ее носители.* Являясь специфическим развитием «деятельностного» подхода, данные теории культуры подчеркивают функциональность последней. С точки зрения культуры, условно говоря, *важно не столько то, что делается, а скорее то, как и с какой целью делается.* Культура как бы «вкладывает» в различные виды активности социальных агентов апробированные, типологизированные и в той или иной мере институционализированные (нормированные, легитимизированные и санкционированные) *программы деятельности.* Быть в культуре – значит уметь оперировать ее механизмами и продуцировать (по возможности) новые нормы поведения.

Данный подход базируется на мощи эвристических средств различных вариантов функционализма в социологии, позволяет соединять уровни анализа деятельностно-коммуникационных и институционно-организационных систем. Однако и он *не может претендовать на универсализм.* Во-первых, при последовательном его проведении обнаруживаются все слабости редукционизма, неспособность «схватывать» сложные смысловые содержания. Во-вторых, остается недостаточно проработанной проблема столкновения раз-

личных программ организации социальной активности, что не может быть описано только в терминах дисфункций. В-третьих, за рамкой рассмотрения оказываются способы создания новых механизмов деятельности и способы их «укоренения» в культуре.

5. *Символический подход*. Культура суть *организованность определенных символических форм самоактуализации социума*. В основе культурного взаимодействия – понимание символов (чувственных воплощений идеальных сверхчувственных содержаний) и умение с ними работать. Это требует автономизации от непосредственной социальной активности субъектов и максимальной активизации творческой работы их сознания и мышления. Знаково-текстовое оформление культуры позволяет нам «схватывать» ценностные основания культуры, транслировать их через символические системы в структуры коммуникации и деятельности, формируя последние через обмен символами между реальными социальными агентами.

Потенциал такого рода теоретических построений в социологии оказался пока в полной мере не использованным как в силу сложности применяемого категориально-понятийного аппарата, так и недостаточного методического оснащения. Как правило, он комбинируется с «ценностным» подходом, несомненно усиливая его эвристический потенциал.

6. *Игровой подход*. Культура – это оперирование определенными содержаниями в социально организованном и отведенном от непосредственной деятельности коммуникативно-игровом пространстве. Культура – это *самоценная игра, организующая уже имеющиеся содержания, порождающая новые смыслы и возможные схемы коммуникации и действия*. Быть в поле культуры – значит играть по принятым правилам, внутри них. Правила можно менять, но, если они приняты, их нарушение ведет к «выпадению» за рамку данного социокультурного пространства.

Значение выводов, обоснованных «игровым» подходом к культуре, трудно переоценить. Благодаря ему (как и «символическому» подходу) произошло окончательное акцентирование креативных функций культуры, что позволило переформулировать соотношение «культура – следствие социума» в соотношение «социум – следствие культуры» и раздвинуть рамки анализа. Разработки «игрового» подхода нашли реализацию в ряде проектных социологических разработок.

7. *Текстовый подход*. Культура формируется и развивается в особом знаковом пространстве, отдельном от собственного социального пространства. Это предопределяет выработку своих собственных механизмов, правил, закономерностей самоорганизации и изменения. Упорядочивание законов происходит в *языках культуры*. Носителями автономной (отграниченной) знаково-оформленной значимой информации являются сообщения на том или ином языке. За рядом сообщений признается статус текстов при их дополнительной смысловой нагруженности в культуре. *Быть в культуре – это знать коды, в которых зашифрованы ее тексты, и уметь работать с последними*. Уро-

вень доступных субъекту языков, кодов и текстов определяет его в поле культурных смыслов, а через них, в значительной мере, и его социальные возможности и претензии.

В настоящее время, и в силу социокультурной ситуации, и в силу состояния социогуманитарного знания, разработки, сделанные в рамках данного подхода и его модификаций, активно проникают в самые различные дисциплины. Представляется, что социология не станет в этом отношении исключением, тем более что имеется ряд интересных версий в социопсихолингвистике, в информационно-целевых анализах текстов и т. д. Задача в том, чтобы максимально полно использовать его потенциал при построении культур-социологии.

8. *Коммуникативный подход.* В отличие от «текстового» подхода смещает акцент рассмотрения в плоскость взаимосвязи знаковой и социальной реальности через системы коммуникаций. Культуроорганизующий процесс – *коммуницирование адресантов (отправителей сообщений) и адресатов (получателей сообщений) на основе знания кодов общих языков и общего (совместного) социокультурного опыта.* Сообщения могут передаваться по различным каналам как пространственно между культурами, их подсистемами и субъектами, так и во времени. Акцент делается, как правило, на организационно-институциональных, а не на содержательных аспектах, что позволяет описывать и анализировать «циклы жизни» различных сообщений в тех или иных каналах, оценивать степень эффективности социокультурных взаимодействий и т. д.

Данный подход многовариативно отработан в западной социологии, хуже – в постсоветской. При всей своей результативности работа в рамках его идеологии при последовательном проведении приводит к выявлению ряда ограничений, свойственных функционализму и роднящих его в этом отношении с «технологическим» подходом. Однако в отличие от последнего он имеет несомненное преимущество, *относительно легко согласуясь с «текстовым»*, т. е. позволяя работать при определенной своей модификации и с содержаниями (есть ряд авторов, работы которых могут быть рассмотрены и в той, и в другой интерпретации). С проработкой именно данной проблематики связано *возможное будущее* такого рода теорий в культур-социологии.

9. *Субъектный подход.* То или иное *понимание сути и функций субъектов в культуре* просматривается в любом из выделенных подходов. В данном же случае имеются в виду теории, специально фиксирующие свое внимание на носителях культуры. Культура как воспроизводимая «матрица» может выступать в качестве «репрессивного» по отношению к индивидуальному поведению механизма. Но она же может рассматриваться с точки зрения своих креативных функций как «развивающее» индивида начало. В обоих же вариантах она есть *социализационно-формирующая система*, вне которой человек не может стать человеком, вне рамок которой он не может выстраивать свои деятельностные и коммуникативные стратегии. Именно взгляд сквозь призму субъектов (агентов) в общей рамке диалогового понимания сути куль-

туры позволяет находить именно социологический срез описания и анализа, соединяющий через субъекты и в субъектах два типа реальности – знаковую и социальную. Механизмы, способы, уровни, типы, возможности различных синтезов, объективированных и обладающих значимостью для социальных субъектов (агентов), являются непосредственным предметом социологического анализа культуры.

10. *Организационно-диалоговый подход.* Культура является исключительно сложным, многоуровневым и *иерархически структурированным, полифункциональным, самоорганизующимся образованием*, в котором постоянно организуется диалог (точнее, полилог) различных традиций и содержаний не только в пространстве ее существования, но и в ее исторической ретроспективе. Культура – это *полифония голосов различных субъектов истории*. Она предполагает, что ее агенты («творцы», «репродуктанты», «потребители») постоянно находятся в ролях разных, пересекающихся между собой (противоборствующих и согласующихся) смыслов. Через механизмы авто- и межсубъектной коммуникации происходит постоянная работа по соотнесению этих смыслов как условие нормального функционирования и развития социума.

Этот подход позволяет задавать максимально широкую рамку обсуждения проблем культуры, *«втягивая» в себя в той или иной мере основные содержания других концептуальных ориентаций*, позволяя прежде всего искать пути для синтезирования «статики» и «динамики» культурных систем (через согласование «текстового» и «коммуникативного» подходов, а через их определенную редукцию «выходить» и на остальные подходы). Более того, он позволяет *координировать и разграничивать разнодисциплинарные подходы*. Так, если описывать процессы автокоммуникации в культуре, мы будем двигаться в поле культурологии, если же рассматривать фактор субъектов диалога – в поле социологии.

В заключение попробуем отобразить соотношение рассмотренных подходов изучения культуры в культур-социологии схематически (см. рисунок).

Соотношение основных подходов изучения культуры в культур-социологии

Любая культурная система (целостность) стремится укрепить собственную стабильность и продлить свое существование во времени, т. е. обеспечить преемственность происходящих в ней постоянных изменений через «удержание» собственных проработанных содержаний (своей отличности, специфичности) и интеграцию в себя (или отторжение) новых содержаний, проникающих в ходе межкультурных контактов и взаимодействий. В этом отношении можно говорить об «открытости» («закрытости» и «изолированности») и «динамизме» («статичности» и «консервативности») каждой конкретной культурной целостности, степени включенности их в межкультурные взаимодействия и глобальные социокультурные процессы. Отдельная проблема – сохранение и развитие собственной аутентичности и выбор векторов культурного развития, а следовательно, и приоритетов в культурной политике.

Сложность современной социокультурной жизни, противоречивость происходящих процессов, порождаемые ими разноуровневые и многофакторные конфликты, нестандартность ситуаций, в которые попадают субъекты культурной жизни, задают многообразие их концептуальных осмыслений, необходимость видения современных тенденций в общей социокультурной перспективе не только отдельных цивилизаций и культур, но и человечества в целом. Все эти проблемы являются предметом философской рефлексии, конкретных культурологических описаний и анализов, однако далеко не последнее слово в их проработке может и должно принадлежать культур-социологии – активно формирующейся на новых теоретико-методологических позициях дисциплинарной области знания, обладающей огромным эвристическим потенциалом.

V. L. ABUSHENKO

TYOLOGICAL APPROACH TO THE STUDY OF CULTURE IN THE KULTUR-SOZIOLOGIE

Summary

The author separates the notions «Sociology of Culture» (middle level theory) and «Kulture-sociology» (meta theory). Ten theoretical perspectives of the sociological study of culture have been chosen on the ground of the theoretical sociology in the frameworks of the Kulture-soziologie. They correspond to «objective», «value», «symbolic», «textual», «playing», «active», «technological», «communicational», subjective» and «organizational and dialogic» approaches.

Key words: sociology of culture, kulture-sociology, sociological study of culture, objective», «value», «symbolic», «textual», «playing», «active», «technological», «communicational», subjective» and «organizational and dialogic» approaches.

Поступила 12.10.2011 г.